

ОТКРЫТЫЙ МОСКОВСКИЙ ПРОЦЕСС 1936 года КАК МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАМПАНИЯ

В 1930-х гг. фальсифицированные обвинения выносились как органами внесудебной расправы (Особым совещание при НКВД в Москве и столицах союзных республик, тройками при местных органах ОГПУ–НКВД), так и судебными органами (специальными коллегиями областных и республиканских судов, военными трибуналами, Военной Коллегией Верховного суда СССР) на закрытых и открытых судебных заседаниях. Среди открытых судебных процессов наиболее крупными и известными являются 3 больших московских показательных процесса: 19–24 августа 1936 г., 23–30 января 1937 г. и 2–13 марта 1938 г.

Дело о так называемом антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре рассматривалось Военной Коллегией Верховного суда СССР на открытом судебном заседании 19–24 августа 1936 г. 16 подсудимых процесса условно можно разделить на 2 группы. Первая состояла из известных большевиков: Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, Г.Е. Евдокимов, И.П. Бакаев, С.В. Мрачковский, В.А. Тер-Ваганян, И.Н. Смирнов. Вторая – из молодых членов германской компартии, эмигрировавших в СССР: Е.А. Дрейцер, И.И. Рейнгольд, Р.В. Пикель, Э.С. Гольцман, Фриц-Давид (И.-Д. Круглянский), В.П. Ольберг, К.Б. Берман-Юрин, М.И. и И.Л. Лурье. По приговору Военной Коллегии обвиняемые были признаны виновными в организации убийства С.М. Кирова и в подготовке убийств И.В. Сталина, К.Е. Ворошилова, А.А. Жданова, Л.М. Кагановича, С.В. Косиора, Г.К. Орджоникидзе, П.П. Постышева. Все подсудимые были приговорены к высшей мере наказания. 25 августа 1936 г. приговор был приведен в исполнение. 13 июня 1988 г. пленум Верховного суда СССР удовлетворил протест Генерального прокурора СССР и приговор от 24 августа 1936 г. был отменен¹.

Несмотря на внимание исследователей к отдельным проявлениям Большого террора, московские открытые процессы представлены в трудах историков фрагментарно и остаются слабо изученными, прежде всего, в аспекте их организации и использования в идеологических, пропагандистских, мобилизационных целях. Ставшие доступными в последние годы новые документальные материалы позволяют в значительной мере ликвидировать этот пробел и рассмотреть процессы как агитационно-массовые, идеолого-пропагандистские, мобилизационные политические кампании.

Характеризуя источниковую базу темы, необходимо отметить ряд ее особенностей. Материалы о процессе в архивных фондах руководящих партийных и советских органов общегосударственного уровня представлены в небольшом количестве. В протоколах Политбюро (далее – ПБ) и Оргбюро (далее – ОБ) ЦК ВКП(б) за 1935–1936 г., хранящихся в РГАСПИ, мною обнаружены всего 2 решения, непосредственно касающиеся процесса². Вероятно, решения по процессу принимались узкой группой близких Сталину лиц без записи в протокол заседаний. Это свидетельствует не только о падении роли ПБ в середине 1930-х гг.³, но и о том, что руководство процессом осуществлял лично Сталин с помощью нескольких специально отобранных им работников. Некоторые важные материалы, связанные с процессом, отложились в личных архивах партийных деятелей, ныне хранящихся в РГАСПИ. Среди них на первое место следует поставить фонд самого Сталина (ф. 558, оп. 11). Поскольку с 14 августа по 25 октября 1936 г. он находился в отпуске в Сочи⁴, для настоящего исследования основополагающим источником становится его переписка. В фонде Сталина хранятся шифротелеграммы, которые он посылал во время процесса оставшимся в Москве секретарям ЦК ВКП(б); секретари информировали Сталина обо всех событиях по ходу процесса,

* Артамонова Жанна Владимировна, ведущий специалист РГАСПИ.

задавали вопросы по его организации и освещению в печати, выдвигали собственные предложения⁵.

Основной массив документов, отложившихся в личном фонде Н.И. Ежова (ф. 671, оп. 1)⁶, относится к 1933–1939 гг. По интересующей нас теме в фонде имеются документы по расследованию убийства Кирова, о борьбе с внутрипартийной оппозицией и ходе следствия по делу троцкистско-зиновьевской оппозиции, об организации и проведении судебных процессов 1935–1937 гг. Среди них – переписка с НКВД, стенограммы судебных процессов, сводки, отзывы, отклики советской и иностранной печати, картотеки и списки с краткими характеристиками участников оппозиции, черновики писем Ежова Сталину и другим партийным деятелям. Ценным источником являются блокноты с краткими рабочими записями по текущей работе Ежова. Исследование подобных документов дает возможность установить участников подготовки процесса, действовавших вместе со Сталиным, и их обязанности.

Для более глубокого изучения темы необходимо обратиться к документам соратников Сталина – А.А. Андреева (ф. 73), К.Е. Ворошилова (ф. 74), А.А. Жданова (ф. 77), Л.М. Кагановича (ф. 81), В.М. Молотова (ф. 82), Г.К. Орджоникидзе (ф. 85) и др. Наиболее интересной и содержательной является их переписка, поскольку позволяет изучить механизм выработки и согласования решений. Кроме того, в указанных личных фондах хранится большой комплекс докладов, статей, выступлений на партийных съездах, конференциях, собраниях, а также материалов к ним, которые позволяют определить, какую роль сыграли фондообразователи в освещении процесса.

К третьей группе документов относятся материалы региональных и местных парткомитетов, а также первичных парторганизаций. Один экземпляр стенограмм и протоколов местных руководящих парторганов пересылался в ЦК ВКП(б) для информирования об их деятельности, а затем передавался в Центральный партийный архив (ныне они находятся в РГАСПИ)⁷. В работе также использовались документы из фондов Центрального архива общественно-политической истории г. Москвы: фонд Московского городского комитета ВКП(б) (ф. 3, оп. 49), Коминтерновского (ф. 68, оп. 1) и Первомайского (ф. 79, оп. 1) районных комитетов ВКП(б), партийного комитета Первого государственного подшипникового завода Москвы (ф. 470, оп. 1). Эти материалы дают возможность показать роль местных парторганизаций в агитационно-пропагандистской кампании по процессу. Использованный в настоящей работе комплекс документов этой группы достаточно репрезентативен, поскольку имела место значительная стандартизация работы местного партийного аппарата.

Впервые вопрос об открытом процессе был затронут Сталиным 28 июля 1935 г. в ходе его беседы с французским писателем Р. Ролланом. Отвечая на один из вопросов собеседника, Сталин говорил: «Вы спрашиваете – почему мы не делаем публичного судопроизводства над преступниками-террористами. Нам казалось, что было бы слишком много чести для этих господ разбирать их преступные дела на открытом суде с участием защитников». Вместе с тем Сталин пообещал восполнить этот пробел⁸. Обращение к шифротелеграммам, которыми Сталин обменивался со своими соратниками, показывают, что он играл решающую роль в организации процесса, осуществлял общий контроль над следствием, разрабатывал сценарий проведения процесса, определяя ответственных за его организацию, состав обвиняемых и содержание обвинений, утверждал все принципиально важные для процесса документы⁹. Сталину не только высылали всю информацию о процессе, но и настойчиво выясняли его отношение к тем или иным возникающим по ходу процесса вопросам. В частности, в ответ на телеграммы секретарей ЦК Сталин дал указания о содержании ответа на телеграмму руководителей Социалистического рабочего Интернационала и Международной федерации профсоюзов¹⁰, на сообщение о самоубийстве М.П. Томского 22 августа 1936 г.¹¹ и по поводу текста приговора¹².

Помимо ответов на телеграммы секретарей ЦК Сталин давал указания и по своей инициативе. Так, например, в его шифротелеграмме от 19 августа 1936 г. говорилось о необходимости публикации в газете «Известия» статьи К.Б. Радека против Л.Д. Троц-

кого¹³. Как видно из шифротелеграммы Сталина Кагановичу 23 августа 1936 г., подобные статьи были также написаны Х.Г. Раковским и Г.Л. Пятаковым¹⁴. С каждой из них Сталин ознакомился лично и одобрил для публикации: «Статьи Раковского, Радека и Пятакова получились неплохие. Судя по корреспондентским сводкам, ино-корреспонденты замалчивают эти статьи, имеющие большое значение. Необходимо перепечатать их в газетах в Норвегии, Швеции, Франции, Америке, хотя бы в коммунистических газетах»¹⁵. 28 августа Сталин послал Кагановичу шифротелеграмму о необходимости перевода на европейские языки отчета о судебном процессе, указав, что «это надо сделать поскорее и распространить за границей широко»¹⁶.

Утверждались Сталиным и решения, касающиеся порядка освещения процесса в печати. На эту тему в РГАСПИ обнаружены 3 документа: проект постановления ЦК ВКП(б), написанный Ежовым¹⁷; записка заведующего Отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) Б.М. Таля Кагановичу и Ежову¹⁸; шифротелеграмма от 17 августа 1936 г. Ежова и Кагановича на имя Сталина¹⁹. Что касается первого документа, то в протоколах ПБ и ОБ за июнь–август 1936 г. сведений о его обсуждении и принятии нет. Но учитывая, что предписанные в проекте Ежова пункты были приняты партаппаратом к исполнению, можно предположить, что они доводились до адресатов в форме устных указаний. Записка Талья, направленная секретарям ЦК ВКП(б) не позднее 17 августа, послужила основой шифротелеграммы Ежова и Кагановича Сталину и, таким образом, в исправленном варианте легла 17 августа 1936 г. на стол Сталина, была им одобрена, а затем утверждена опросом в качестве решения ПБ 19 августа 1936 г.²⁰

В соответствии с названными документами, во-первых, предписывалось публиковать материал о процессе в газетах под заголовком «Троцкистско-зиновьевский террористический центр». Во-вторых, указывалось на необходимый объем и характер публикуемых в прессе сведений. В-третьих, предписывалось создать специальную комиссию по редактированию и размещению материалов процесса в печати, которая должна была «при каждом опубликовании в печати показаний подсудимых... давать краткие справки: какова роль подсудимых в оппозиции; каковы отношения личные и в организации с Троцким, Зиновьевым и Каменевым и др.; какова роль в террористической организации»²¹. В записке Талья был определен состав этой комиссии: А.И. Стецкий, Таль, Л.З. Мехлис, А.Я. Вышинский и Я.С. Агранов. Первый из них был заведующим Агитпропа ЦК ВКП(б), Таль являлся его заместителем, а также заведующим Отделом печати и издательств ЦК ВКП(б), Мехлис был главным редактором газеты «Правда», Вышинский – главным обвинителем на процессе, Агранов – заместителем наркома Внутренних дел и одним из организаторов следствия по делу. Таким образом, члены комиссии представляли наиболее существенные элементы механизма организации процесса, обеспечивая контроль над установленным порядком освещения процесса в печати, осуществляя предварительную цензуру публикуемых материалов.

Признание особой роли Сталина предполагает постановку и изучение вопросов о том, какие функции выполняли высшие руководители партии, как распределялись между ними обязанности, кто именно был непосредственным исполнителем воли Сталина. Рассмотренная выше переписка происходила преимущественно между Сталиным, Кагановичем и Ежовым. Именно они и были основными организаторами процесса. Каганович осуществлял руководство работой ПБ во время отпуска Сталина. Он вел со Сталиным активную переписку по многочисленным вопросам, в том числе об организации и проведении процесса, информируя о ходе реализации принятых Сталиным решений и получая дальнейшие указания²². Таким образом, через руки Кагановича прошли практически все документы процесса. Безусловно, это не была чисто техническая роль, и многие вопросы он, оставаясь «на хозяйстве», должен был решать самостоятельно. Как следует из шифротелеграмм²³, он тщательно отбирал, готовил и редактировал информацию для Сталина, согласовывал ее с Ежовым.

27 февраля 1936 г. ПБ приняло постановление «О деле контрреволюционных групп троцкистов-двурушников», в соответствии с которым предписывалось передать Ежову архив и другие документы Троцкого для разбора и доклада в ПБ, а также поручить

НКВД совместно с Ежовым проводить допросы арестованных²⁴. 17 августа 1936 г. Ежов и Каганович направили на имя Сталина шифротелеграмму с предложением поручить Ежову «общее наблюдение» над процессом²⁵. Высказанное в шифротелеграмме предложение было одобрено Сталиным и затем, 19 августа 1936 г., утверждено членами ПБ²⁶. Подобное предложение связано с усилением влияния Ежова (с санкции Сталина) в партаппарате. К 1936 г. Ежов был одновременно председателем КПК при ЦК ВКП(б), заведующим отделом руководящих партийных органов (ОРПО) и представителем Сталина в НКВД. Все это усиливало возможности оперативного исполнения указаний вождя.

«Общее наблюдение» над судебным процессом, возложенное на Ежова, понималось руководством страны достаточно широко, хотя, конечно, речь шла об исполнительной, технической роли. Как видно из шифротелеграмм, Ежов вместе с Кагановичем информировал Сталина о проведении и результатах процесса²⁷. Под непосредственным руководством Ежова с санкции Сталина и ПБ было проведено следствие²⁸ (в личном фонде Ежова хранится 10 дел общим объемом 2 697 листов с записками и отпечатками НКВД о ходе следствия по делу троцкистской организации²⁹).

Ежов принимал активное участие в составлении плана ведения процесса. В его фонде хранится машинописный документ, где определены временные рамки слушания дела, порядок допроса обвиняемых и свидетелей, сроки представления членом Военной коллегии Верховного суда В.В. Ульрихом проекта приговора; поручение Г.Г. Ягоде и Ежову распределить билеты на процесс и др.³⁰ Каких-либо помет, позволяющих установить происхождение и авторство документа нет. В то же время название этого документа – «О порядке ведения судебного процесса по делу Зиновьева, Каменева, Бакаева и др.», а также его внешний вид и структура (деление на тематические пункты), позволяют предположить, что это проект постановления Политбюро ЦК ВКП(б), написанный Ежовым. В протоколах ПБ за 1936 г., хранящихся в РГАСПИ, не было обнаружено сведений о его обсуждении и принятии, но исходя из известной нам информации о процессе, можно предположить, что пункты этого проекта были приняты к исполнению и, следовательно, проект постановления был доведен до адресатов в устной форме.

Наконец, Ежов решал многочисленные вопросы организационного характера, касавшиеся процесса. В частности, он определил количество и состав лиц, допущенных на судебные заседания. Помимо списков корреспондентов советской, иностранной, зарубежной коммунистической прессы Ежов утвердил также списки судебных работников, ответственных сотрудников НКВД, членов дипломатического корпуса, глав посольств и миссий, работников прокуратуры СССР и РСФСР, а также список технического персонала³¹. Именно Ежов на основе тщательной работы со списками приглашенных целенаправленно определял границы «открытости» процесса, на котором присутствовала лишь специально отобранная публика.

Изучение механизма организации процесса показало определяющую, связующую в нем роль Ежова. В подтверждении вышесказанного представлю еще один документ. В фонде Ежова хранятся черновики его письма Сталину от 9 сентября 1936 г.³², свидетельствующие о том, что после окончания показательного процесса Каганович и Орджоникидзе предложили Ежову выехать в Сочи и проинформировать Сталина «о делах с троцкистами», но затем Каганович сообщил об отмене этой поездки и поручил Ежову проинформировать Сталина письменно. Письмо, судя по черновикам, состояло из нескольких пунктов – о самоубийстве Томского, о правых (в письме упоминались Рыков, Бухарин, Угланов и др.), о Радеке и Пятакове, о военной линии троцкистов, о связях троцкистов с НКВД. Так, Ежов писал Сталину о правых: «Лично я сомневаюсь, что правые заключили прямой организационный блок с троцкистами и зиновьевцами... Я думаю, что правые знали о существовании троцкистско-зиновьевского блока, знали о терроре, информировались у них и смотрели на это со стороны, рассчитывая, что в результате успешной террористической деятельности троцкистов и зиновьевцев они смогут воспользоваться результатами, как недискредитированная политически организованная сила. Для этого они несомненно имели свою собственную организацию

правых»³³. В таком же ключе Ежов докладывал Сталину об исполнении его директивы «по прощупыванию военной линии троцкистов» и связей троцкистов с НКВД. Ежов подчеркивал, что предшествующие политические процессы не смогли до конца выявить все замыслы «террористов», но, тем не менее, сомневался в целесообразности проведения других процессов: «Мне понятны трудности, связанные с их арестом, с точки зрения общественного мнения за границей. Новые процессы затевать вряд ли целесообразно»³⁴; «все можно сделать в упрощенном порядке по закону от первого декабря³⁵ и даже без формального заседания суда»³⁶.

Представленное письмо говорит о широкой вовлеченности Ежова в репрессивную политику. Он был в курсе планируемых Сталиным дальнейших направлений репрессивных ударов (параллельный блок, правые, военные, НКВД), но не был посвящен в сталинские замыслы относительно основных сценариев организации террора и считал, что дальнейших открытых процессов не будет. Кроме того, письмо Ежова подтверждает сделанные выше наблюдения о причинах отсутствия ряда постановлений ПБ о процессе. Так, например, Ежов сообщал Сталину о совещании ПБ, проходившем после известия о самоубийстве Томского³⁷, а также о своем докладе по результатам пересмотра по указанию Сталина всех списков арестованных «по настоящему делу и всех, привлеченных в свое время по делу Кирова»³⁸. Материалы этих совещаний, а также упоминавшиеся в документах решения ЦК ВКП(б), мною не обнаружены. Их упоминание в письме Ежова еще раз подтверждает, что некоторые решения о процессе принимались без записи в протокол заседаний ПБ, а совещания не стенографировались.

Помимо организационных вопросов Ежов, безусловно, с санкции и под контролем Сталина, участвовал в разработке обвинительной составляющей процесса, которая затем легла в основу сопровождавшей его пропагандистской кампании. Как свидетельствуют документы, общая концепция, основное содержание предъявленных на процессе обвинений были сформулированы практически сразу после убийства Кирова. В 1935 г. — первой половине 1936 г. происходила лишь их некоторая доработка, связанная, скорее всего, с обогащением версии обвинения новыми пропагандистскими формулировками.

Используя убийство Кирова в целях дискредитации и уничтожения представителей старой партийной гвардии, Сталин начал разрабатывать версию о существовании в стране террористических групп, готовивших покушение на руководство страны. На прошедших в 1935 г. закрытых процессах, а также в официальных материалах (в закрытом письме ЦК ВКП(б) «Уроки событий, связанных с злодейским убийством С.М. Кирова» от 18 января 1935 г.³⁹; в периодической печати) сообщалось не о прямом участии Зиновьева и Каменева в убийстве Кирова, а лишь об их моральной ответственности за него. В то же время, несмотря на отсутствие официальной информации, в партийных кругах и среди рабочих циркулировали иные слухи. В присылавшихся на имя Ежова в конце 1934 г. — начале 1935 г. информационных сводках из Ленинграда зафиксированы отразившие эти слухи вопросы, сформулированные рабочими на проводившихся в связи с убийством Кирова собраниях: «Участвовал ли Зиновьев в этом деле?»; «Имеется ли связь с Троцким и где Зиновьев»⁴⁰; «Не замешан ли Зиновьев в убийстве т. Кирова»⁴¹; «Уничтожены ли Зиновьев, Каменев и другие оппозиционеры»⁴². Уже в конце декабря 1934 г. в рабочей среде ходили такие толки: «Зиновьев, наверное, замешан в убийстве т. Кирова, надо его исключить из рядов партии»⁴³; «И не по указанию ли Зиновьева было совершено гнусное дело Николаева»⁴⁴; «Никакого разговора о моральной ответственности. Участники группы должны нести физическую ответственность»⁴⁵. С конца декабря 1934 г. в сводках также неоднократно сообщалось о том, что рабочие требуют «беспощадной кары участникам террористической зиновьевской группы», говорят о необходимости предать их суду и расстрелять⁴⁶. Скорее всего, часть приведенных слухов была инспирирована, поскольку по содержанию они были явно созвучны оценкам Сталина. Как сообщает С.С. Хромов, ссылаясь на свою беседу с секретарем ЦК КПСС, главой комиссии ЦК по расследованию убийства Кирова Б.Н. Пономаревым, «Сталин, не дожидаясь объективного расследования обстоятельств убийства, сразу же заявил о причастности к этому трагическому факту лидеров

оппозиции – Зиновьева и Каменева», указав, что «это дело рук зиновьевцев во главе с самим Зиновьевым»⁴⁷.

Однако официальное обвинение в адрес Зиновьева и Каменева было сделано Ежовым в докладе «Об аппарате ЦИК СССР и т. Енукидзе» на июньском пленуме ЦК ВКП(б) 1935 г.⁴⁸ Ежов сообщил о новых результатах следствия по делу, поскольку «при расследовании обстоятельств убийства товарища Кирова в Ленинграде до конца еще не была вскрыта роль Зиновьева, Каменева и Троцкого». Вновь проведенное расследование, по сообщению Ежова, показало, «что они являлись не только вдохновителями, но и прямыми организаторами как убийства товарища Кирова, так и подготовившегося в Кремле покушения на товарища Сталина»⁴⁹.

Представленная на пленуме версия обстоятельств убийства Кирова более полно была изложена в написанной в течение 1935 г. Ежовым книге «От фракционности к открытой контрреволюции»⁵⁰. 17 мая 1935 г. он направил Сталину рукопись ее первой главы. В сопроводительной записке Ежов пояснял причину пересылки вождю одной главы книги тем, что «[журнал] “Большевик” просит поместить эту главу, не ожидая остальных, специально об этом оговорив в примечании». Кроме того, Ежов спрашивал Сталина: «Стоит ли и можно ли помещать в “Большевике” эту главу самостоятельно» и «можно ли сейчас опубликовать те материалы, о которых в ней говорится»⁵¹. Ответ Сталина пока не найден, но тот факт, что книга Ежова не вышла в свет, свидетельствует, что он был отрицательным⁵². Признавая значительное влияние Сталина на подготовку книги, тем не менее нельзя преуменьшать и роль Ежова как автора. Наличие многочисленных вариантов глав этой книги с личными исправлениями Ежова⁵³, обилие рецензентов (В.Г. Кнорин, Г.М. Маленков, А.И. Стецкий, Б.М. Таль, М.Ф. Шкирятов и др.)⁵⁴, а также огромное количество сохранившегося подготовительного материала⁵⁵, показывает, что именно Ежов разработал, расширил, структурировал и информационно насытил фальсифицированную сталинскую версию обвинений подсудимых.

Ежов составил и проект закрытого письма ЦК ВКП(б) «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевско-каменевской контрреволюционной группы»⁵⁶, отредактированный и утвержденный Сталиным 29 июля 1936 г. как закрытое письмо ЦК «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского блока»⁵⁷. Письмо послужило первым сигналом к началу идеологической кампании для подготовки общества к восприятию процесса. Оно определяло структуру, последовательность размещения материалов процесса в печати, представило основные дефиниции и лексические конструкции, с помощью которых давались оценки происходящим на суде событиям и, таким образом, задавался тон всей идеологической кампании. Разработанная Ежовым в духе сталинских указаний обвинительная и содержательная база процесса воспроизводилась без изменений на всех уровнях: в обвинительной речи А.Я. Вышинского, центральной партийной печати, в материалах местных руководящих парторганов, региональной печати и в статьях «раскаявшихся» оппозиционеров, посланных на имя руководителей страны.

Тем не менее 6 сентября 1936 г. Сталиным на имя Молотова и Кагановича была отправлена шифротелеграмма, в которой указывалось на неверное освещение газетой «Правда» процесса. Ошибки, по мнению Сталина, заключались в следующем: «Правда» не по-марксистски прокомментировала материалы процесса, «все свела к личному моменту, к тому, что есть люди злые, желающие захватить власть и люди добрые, стоящие у власти», не написала о существовании у подсудимых политической платформы, которая выражалась в борьбе против достижений советского строя с целью разгрома социализма и восстановления капитализма»⁵⁸.

Предъявленные Сталиным требования не во всем совпадали с изложением версий обвинения, представленных в книге Ежова, закрытом письме от 29 июля 1936 г. и в газете «Правда». Закрытое письмо, в частности, утверждало, что у оппозиции «не осталось никаких политических мотивов борьбы с партией и с советской властью, кроме голого, неприкрытого карьеризма»⁵⁹ и, следовательно, они не имели никакой «положительной, приемлемой для трудящихся нашей страны политической платформы»⁶⁰. В газете «Правда» также подчеркивалось отсутствие политической программы: зиновь-

евцы повержены, политически разбиты, «у них ничего нет за душой»⁶¹ и поэтому «револьвер заменил негодям “платформу”»⁶². Недовольство Сталина можно расценивать как прямой выпад против разработчиков идеологической базы процесса. Однако газета «Правда» отреагировала на недовольство Сталина лишь 10 сентября и не в передовице, а лишь в одной статье А. Васнецова «Реставраторы капитализма и их защитники»⁶³.

Согласно В.З. Роговину, шифротелеграмма Сталина от 6 сентября 1936 г. – реакция на критику процесса со стороны Троцкого, что и вызвало негативное восприятие процесса, как внутри страны, так и за ее пределами. Сталин своим письмом попытался создать более логичную версию обвинений⁶⁴. Соглашаясь с выводами Роговина, следует сказать, что у сталинской шифротелеграммы были и другие цели. Прежде всего, изменив и расширив версию обвинений, она подразумевала необходимость усиления и ужесточения репрессий. 29 сентября 1936 г. ПБ приняло постановление «Об отношении к контрреволюционным троцкистско-зиновьевским элементам», где данные Сталиным в шифротелеграмме от 6 сентября установки использовались для расширения круга обвиняемых и объяснения причин усиления террора⁶⁵. Таким образом, шифротелеграмма от 6 сентября явилась сигналом, положившим начало широкомасштабной расправе над оппозиционерами. Возможно, она содержала намек и на планируемые изменения в руководстве НКВД, представители которого в ней характеризовались как «головотяпы». Уже 25 сентября Сталин направил из Сочи в Москву телеграмму, в которой потребовал сместить Ягodu с поста наркома внутренних дел и назначить на его место Ежова⁶⁶. 26 сентября это предложение было принято на заседании Политбюро⁶⁷. Это решение еще раз показало организаторам идеологических мероприятий, в каком ключе, под какими лозунгами, нужно работать. Директивы Сталина будут реализованы в ходе следующих показательных процессов, хотя попытки исправить отмеченные им ошибки были предприняты и сразу же после получения шифротелеграммы. Так, например, 8 сентября заведующий отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) Б.М. Таль адресовал Кагановичу, А.А. Андрееву, Ежову служебную записку с предложением опубликовать отдельные главы из книги Ежова. Таль явно не знал о тесных контактах Ежова со Сталиным по поводу книги, но, видя возвышение Ежова, видимо, посчитал необходимым сделать комплименты в адрес его сочинения, отметив, что оно состоит из «серьезных, глубоко теоретически и политически разработанных материалов», публикация которых имела бы «огромное значение для правильного освещения итогов и уроков процесса»⁶⁸.

Из шифротелеграммы от 6 сентября видно, что Сталин был озабочен и тем, что часть граждан воспринимает процесс как результат личностного конфликта внутри руководства СССР. К такому выводу его могли привести сводки о настроениях различных категорий населения, подготовленные партаппаратом или НКВД, информационные материалы местных парторганизаций, перечни вопросов, задаваемых лекторам и агитаторам (наиболее важные из этих документов пересылались Сталину). Так, на проходивших собраниях звучали реплики следующего порядка: «Чего вы говорите о Зиновьеве и Каменеве? Все равно им ничего не будет, потому что они друзья Сталина»; «они все вместе пьянствовали, а сейчас дерутся», «дело не наше. Власть на власть наехала... Нам трудно их судить»⁶⁹.

Недостаток архивных документов, исходящих от идеологического аппарата ЦК, затрудняет исследование открытого процесса 1936 г. как агитационно-массовой политической кампании. Но имеющиеся документы региональных, местных и первичных парторганизаций позволяют восстановить на нескольких уровнях работу партийного аппарата по реализации спущенных сверху директив, а значит, и их характер. После получения на местах закрытого письма ЦК ВКП(б) «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока», а также выступлений «Правды», основанных на сообщении Прокуратуры СССР о проведении открытого судебного процесса⁷⁰, 15 августа 1936 г. на заседаниях местных партийных руководящих органов началось обсуждение процесса в заданном ключе. 15–19 августа 1936 г. на заседаниях бюро обкомов ВКП(б) принимались постановления о проведении «широ-

ких собраний рабочих, служащих и колхозников». Предварительно городские и районные комитеты ВКП(б) проводили закрытые партактивы и партсобрания для ознакомления с упоминавшимся закрытым письмом ЦК ВКП(б) и проработки материалов «Правды»⁷¹. Давались указания об обеспечении необходимой явки на собраниях и степени активности в выступлениях, а также о том, как проводить проработку материалов. Кроме того, на заседаниях районных партактивов назначались ответственные за проведение собраний и митингов в первичных парторганизациях. На городских партактивах определялись и докладчики для первичных парторганизаций⁷². Полученные на заседаниях партийных и городских комитетов указания затем воспроизводились на инструктивных совещаниях партактивов первичных организаций. На них инструктировали предварительно отобранных, «более квалифицированных» пропагандистов, «беседчиков», докладчиков, агитаторов и распределяли их по партгруппам⁷³. Таким образом, уже к началу открытого процесса 19 августа 1936 г. закончилась первичная подготовка руководящего состава и агитационного аппарата партийных организаций различных уровней к его восприятию в духе указаний ЦК ВКП(б), что, в конечном счете, и помогло провести в сжатые сроки агитационно-пропагандистскую кампанию среди населения⁷⁴.

Информация о ходе обсуждения материалов процесса и о подготовленности местных партийных органов к этому обсуждению поступала в ЦК ВКП(б) от секретарей обкомов, райкомов, горкомов, парткомов, информаторов и инструкторов отделов ЦК и др. Все информационные сообщения о ходе обсуждения материалов процесса пестрели упоминаниями о тщательно организованных массовых читках, беседах, собраниях и митингах. В то же время, как свидетельствуют сообщения информаторов, подчинявшихся непосредственно ЦК и не зависевших от местного руководства, организация запланированных мероприятий не всегда проходила гладко. Например, центральные газеты, содержавшие инструктивные материалы, на протяжении всего процесса поступали во многие парторганизации с перебоями и большими опозданиями⁷⁵. Обращает на себя внимание и тот факт, что в конце сентября 1936 г. в ряде районных комитетов Москвы и Московской обл. практически одновременно (27 и 28 сентября) проводились заседания по вопросам постановки агитации и пропаганды за предыдущий период⁷⁶. Материалы этих совещаний частично объясняют недочеты в проведении кампании августа 1936 г. Указывалось, в частности, на недопустимо низкий уровень «беседчиков» и чтецов, которые не могли ответить на многие «каверзные вопросы», не могли объяснить массу «слов в газете» и были «сами подчас не в состоянии разобраться в том или ином вопросе»⁷⁷. На проводившихся в сентябре совещаниях говорилось и об отсутствии непрерывности и систематичности в агитационно-массовой работе⁷⁸.

Таким образом, изучение механизма подготовки, проведения и освещения московского открытого процесса 1936 г. раскрывает его роль в качестве идеолого-пропагандистской, агитационно-массовой, мобилизационной политической кампании, позволяя приблизиться к ответу на принципиальные для историографии вопросы о механизмах инициирования, принятия и согласования принципиальных политических решений в 1930-х гг., о взаимоотношениях и распределении обязанностей внутри правящей верхушки, о степени реальной централизации власти, о роли репрессивных акций в системе сталинского политического руководства.

Примечания

¹ Реабилитация: Политические процессы 30-х–50-х гг. М., 1991. С. 171–190.

² РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 20, л. 52; оп. 163, д. 1120, л. 87.

³ О тенденциях сокращения реальной роли ПБ в политической системе СССР более подробно см.: *Хлевнюк О.В.* Политбюро: Механизмы политической власти в 1930-е гг. М., 1996; *его же.* Хозяин Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010.

⁴ См. журнал регистрации посетителей кабинета Сталина: Исторический архив. 1995. № 4. С. 31.

⁵ Частично шифротелеграммы опубликованы в сборнике документов: Сталин и Каганович: Переписка: 1931–1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис, Л.П. Кошелева, Э.А. Рис, Л.А. Роговая. М., 2001. С. 631–703.

⁶ Более подробные сведения о содержании фонда Н.И. Ежова см.: *Артамонова Ж.В.* «На процесс допускаются по спискам, утвержденным т. Ежовым»: Документы РГАСПИ о «процессе 16-ти». 1936 г. // Отечественные архивы. 2008. № 2. С. 113–128.

⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 21. Более подробно см.: Путеводитель по фондам и коллекциям документов КПСС (25 октября (7 ноября) 1917 – август 1991 гг.) / Справочно-информационные материалы к документальным и музейным фондам РГАСПИ. Вып. 4. М., 2008.

⁸ *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 18. 1917–1953 гг. Тверь, 2006. С. 106.

⁹ Сталин и Каганович... С. 631–703; Опись материалов, посылаемых И.В. Сталину на юг во время отпуска (РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 96, л. 16–54).

¹⁰ Телеграмма от Социалистического рабочего Интернационала и Международной федерации профсоюзов была получена 22 августа 1936 г. В ней указывалось на необходимость обеспечения подсудимых судебными гарантиями и применения к ним более мягких мер наказания. 22 августа секретари ЦК отправили Сталину шифротелеграмму с текстом телеграммы руководителей II Интернационала. В этот же день, в ответной телеграмме, Сталин указал на необходимость опубликовать текст телеграммы и «высмеять и заклеймить в печати подписавших телеграмму мерзавцев, как защитников банды убийц, агентов гестапо – Троцкого, Зиновьева, Каменева». Телеграмма была опубликована в «Правде» 23 августа под заголовком «Презренные защитники убийц и агентов гестапо», что целиком соответствовало сталинским указаниям (Сталин и Каганович... С. 640–641).

¹¹ На процессе публично прозвучали обвинения о связи троцкистско-зиновьевского блока с лидерами правых – М.П. Томским, А.И. Рыковым, Н.И. Бухариным, Н.А. Углановым. После этого Томский покончил жизнь самоубийством. Вечером 22 августа секретари ЦК известили Сталина о самоубийстве Томского. В шифротелеграмме был дан текст извещения ЦК ВКП(б), который планировалось 23 августа опубликовать в газете. В ответной шифротелеграмме от 22 августа Сталин одобрил предложение секретарей ЦК (Сталин и Каганович... С. 539–641).

¹² 23 августа члены ПБ ЦК ВКП(б) передали Сталину шифром текст приговора. Вечером этого же дня Сталин выслал ответную телеграмму с общими комментариями и замечаниями по тексту (Там же. С. 641–642).

¹³ Там же. С. 634.

¹⁴ Статьи бывших лидеров оппозиции Раковского, Радека и Пятакова с резким осуждением Троцкого, Зиновьева, Каменева и требованиями их расстрела были опубликованы в газетах 21 августа. См., напр.: *Раковский Х.* Не должно быть никакой пощады // Правда. 1936. 21 августа. С. 3; *Пятаков Г.* Беспощадно уничтожить презренных убийц и предателей // Там же. 1937. 21 августа. С. 4. Пятаков и Радек выступили уже в роли обвиняемых на следующем московском открытом процессе по делу так называемого параллельного антисоветского троцкистского центра.

¹⁵ Сталин и Каганович... С. 642.

¹⁶ Там же. С. 651. См., напр.: Report of court Proceedings. The case of Trotskyite – Zinovievite terrorist centre heard before the Military Collegium of the Supreme court of the USSR. Moscow. August 19–24, 1936. Moscow, 1936.

¹⁷ РГАСПИ, ф. 671, оп. 1, д. 189, л. 2.

¹⁸ Там же, л. 3.

¹⁹ Сталин и Каганович... С. 630.

²⁰ РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 20, л. 52.

²¹ Там же, ф. 671, оп. 1, д. 189, л. 2.

²² Сталин и Каганович... С. 631–703.

²³ В фонде И.В. Сталина (РГАСПИ, ф. 558, оп. 11) отложились черновики его шифротелеграмм. Более подробно об этом см.: Сталин и Каганович... С. 5–9.

²⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 19, л. 78.

²⁵ Сталин и Каганович... С. 630.

²⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 20, л. 52.

²⁷ Сталин и Каганович... С. 631–703.

²⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 19, л. 78.

²⁹ Там же, ф. 671, оп. 1, д. 163–171, 173–175.

³⁰ Там же, л. 6–7.

³¹ РГАСПИ, ф. 671, оп. 1, д. 189, л. 9–13.

- ³² Там же, д. 52, л. 183–194.
- ³³ Там же, л. 191–192.
- ³⁴ Там же, л. 192.
- ³⁵ Закон от 1 декабря 1934 г. устанавливал исключительную процедуру рассмотрения дел о терроре: судебное заседание предписывалось вести при закрытых дверях, подсудимые лишались права на подачу апелляции о помиловании, смертные приговоры исполнялись немедленно после их вынесения.
- ³⁶ Там же, л. 193.
- ³⁷ Там же, л. 183.
- ³⁸ Там же, л. 193.
- ³⁹ Реабилитация: Политические процессы 30-х–50-х годов. С. 191–195.
- ⁴⁰ РГАСПИ, ф. 671, оп. 1, д. 122, л. 9–10.
- ⁴¹ Там же, л. 15.
- ⁴² Там же, л. 24.
- ⁴³ Там же, л. 15.
- ⁴⁴ Там же, л. 16.
- ⁴⁵ Там же, л. 57.
- ⁴⁶ Там же, л. 16 – 17; д. 244, л. 30–32.
- ⁴⁷ Хромов С.С. По страницам личного архива Сталина. М., 2009. С. 147.
- ⁴⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 2, д. 542, л. 55–86.
- ⁴⁹ Там же, л. 56.
- ⁵⁰ Многочисленные варианты книги хранятся в РГАСПИ (ф. 671, оп. 1, д. 273–282).
- ⁵¹ Там же, д. 273, л. 1–16.
- ⁵² В РГАСПИ имеется рукопись первой главы книги Ежова с пометами Сталина, которые носят скорее редакционный, а не концептуальный характер (ф. 671, оп. 1, д. 273, л. 3–65).
- ⁵³ Там же, ф. 671, оп. 1, д. 273–282.
- ⁵⁴ Там же, д. 273, л. 74–80.
- ⁵⁵ Там же, д. 283–285.
- ⁵⁶ Там же, д. 188, л. 2–53.
- ⁵⁷ Реабилитация: Политические процессы 30-х–50-х годов. С. 196–210.
- ⁵⁸ Сталин и Каганович... С. 664–665.
- ⁵⁹ Там же. С. 207.
- ⁶⁰ Там же. С. 208.
- ⁶¹ Правда. 1936. 7 августа. С. 1; 13 августа. С. 1.
- ⁶² Там же. 9 августа. С. 1.
- ⁶³ Там же. 10 сентября.
- ⁶⁴ Роговин В.З. 1937. М., 1996. С. 45.
- ⁶⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 981, л. 58.
- ⁶⁶ Сталин и Каганович... С. 682–683.
- ⁶⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 981, л. 50.
- ⁶⁸ Там же, ф. 671, оп. 1, д. 53, л. 145.
- ⁶⁹ Центральный архив общественно-политической истории г. Москвы (далее – ЦАОПИМ), ф. 3, оп. 49, д. 129, л. 60.
- ⁷⁰ Более подробный анализ материалов газеты «Правда» см.: Артамонова Ж.В. Указ соч. С. 113–128.
- ⁷¹ См., напр.; РГАСПИ, ф. 17, оп. 21, д. 251, л. 182, 207; д. 5011, л. 134; д. 5095, л. 112.
- ⁷² ЦАОПИМ, ф. 3, оп. 49, д. 129, л. 17, 58, 68; ф. 68, оп. 1, д. 34, л. 56.
- ⁷³ Там же, ф. 3, оп. 49, д. 129, л. 7–12.
- ⁷⁴ Там же, л. 106.
- ⁷⁵ Там же, л. 12, 58, 64.
- ⁷⁶ Там же, ф. 68, оп. 1, д. 6; ф. 79, оп. 1, д. 3.
- ⁷⁷ Там же, ф. 68, оп. 1, д. 6, л. 26–29.
- ⁷⁸ Там же, л. 31, 43, 51; РГАСПИ, ф. 17, оп. 21, д. 5011, л. 134.